

Жилищно-бытовые условия и материальное положение русских беженцев в Польше в 20–30-е гг. XX ст.

Ёлкин А. И.

Йолкин А. И. Житлово-побутові умови та матеріальне становище російських емігрантів у Польщі в 20-30-е рр. XX ст. У статті розглянуті житлово-побутові умови, в яких опинились російські емігранти в Польщі. Емігранти робили спробу вирішувати житлову проблему за допомогою етапних пунктів, оренди і купівлі житла. З метою захисту своїх прав, біженці використовували підтримку Спілки російських юристів емігрантів. Особлива увага у статті приділяється скрутній ситуації, в якій опинились студенти-емігранти: відсутність житла, одягу, недостатнє харчування. Покращити своє матеріальне становище емігранти прагнули за допомогою благодійних організацій. Але такі матеріальні статки були недостатніми і часто надавались несвоєчасно.

Ключові слова: апатрид, емігрант, Польща, адаптація, робота.

Ёлкин А. И. Жилищно-бытовые условия и материальное положение русских эмигрантов в Польше в 20-30-е гг. XX ст. В статье рассмотрены жилищно-бытовые условия, в которых оказались русские эмигранты в Польше. Эмигранты пытались решать жилищную проблему при помощи этапных пунктов, аренды и покупки жилья. С целью защиты своих прав, беженцы использовали поддержку Общества русских юристов эмигрантов. Особое внимание в статье уделяется сложной ситуации, в которой оказались студенты-эмигранты: отсутствие жилья, одежды, недостаточное питание. Улучшить свое материальное положение эмигранты пытались при помощи благотворительных организаций. Но такие материальные средства были недостаточными и часто предоставлялись несвоевременно.

Ключевые слова: апатрид, эмигрант, Польша, адаптация, работа.

Yolkin A. I. The Domestic Conditions and Financial Position of Russian Emigrants in Poland in 20-30th of the XX century. In article are considered domestic conditions, in which there were Russian emigrants in Poland. Housing problem emigrants, who have appeared in the country, tried to solve with the help of stage points, rent and habitation purchase. For the purpose of protection of the rights refugees used support of the Society of Russian lawyers of emigrants. The special attention in article is given to situation in which there were students-emigrants: absence of habitation, the clothes and an insufficient food. To improve the financial position emigrants tried by means of the charitable

organizations. But such material means were insufficient and were often given out of time.

Keywords: apatrid, emigrant, Poland, adaptation, work.

Российское зарубежье появилось в 1917–1921 гг. в результате революции и Гражданской войны. За пределами бывшей Российской империи оказалось от 1,5 до 2 млн. человек. Через территорию Польши устремился беженский поток в Европу. Основная масса беженцев, оказавшихся на территории страны, обычно не имела никаких материальных средств существования. Различные аспекты пребывания русских эмигрантов на территории Польши нашли свое освещение в исследованиях российских и польских авторов [13, 14, 15].

Однако вопрос о бытовых условиях и материальном положении беженцев остаётся недостаточно исследованным. В Польше, в отличие от Чехословакии и Югославии, отсутствовали специальные государственные программы помощи беженцам. Здесь не существовало эмигрантско-государственных организаций, являвшихся в других славянских странах центрами по оказанию помощи беженцам.

Поскольку основная масса беженцев переходила границу нелегально, то они сразу же на польской стороне сталкивались с полицейским произволом и взятками (2000 царских рублей с человека) [7, с. 224-225]. Часто поляки, особенно низшие служащие, вели себя с русскими грубо, ненавидели их и действовали по принципу: «вы нас угнетали, а теперь мы вас». Пытались взять своеобразные реванш за политику царской России «нам здесь русских не надо; вы здесь кацапы, довольно здесь поразбойничали, нечего вам больше у нас делать» [8, с. 49]. Поэтому беженцы пытались «затеряться» среди имеющегося здесь русского национального меньшинства. Количество русских, являвшихся местными уроженцами или постоянными жителями отошедших к Польше бывших российских территорий, составляло примерно 200-300 тыс. чел. [9, с. 249]. Однако, поскольку в 20-е годы власти официально утверждали, что русских в Польше нет, а есть только украинцы и белорусы, то они часто скрывали своё происхождение и выдавали себя за белорусов [19, с. 34-35]. Старожилы, беспокоясь за свой имидж в глазах властей, а также преследуя меркантильные интересы, с подозрением встречали беженцев. Вот как описывает своё пребывание в Острове Познанским беженец Б. Ольгинский: «Откуда? Чего принесло? Не большевики ли? И попутно возмущались. Дороговизну разводят. За всё платят в три дорога, не торгуются [12, 1920. 27. 08]. Оказавшись в Польше, эмигранты стремились попасть прежде всего в города, где условия жизни были лучше, проще найти работу и т. д. Но здесь остро стояла жилищная проблема. Её пытались решить, при чём часто безуспешно, при помощи этапных пунктов, съёмки или покупки жилья. Особой известностью пользовались расположенные в пригороде Варшавы

«Повонзки». Пункт этот находился в бывших складах Варшавской крепости и занимал 15 бараков. Только за 1919 г. через него прошло 180 тыс. чел., из них 40% составляли русские [4, 1919. 25. 11]. Беженец П. Жакмон так описывает положение в «Повонзках»: «Чья-то маккиавеллиевская рука схватила за шиворот голодную армию хилых оборванцев и держала их по шесть месяцев полуфунтом хлеба (0,2042 кг) и аршином вшивых нар» [8, с. 8]. Аналогичный этапный пункт «Дабие» находился возле Кракова. Пробывший там четыре месяца русский офицер назвал его концлагерем и утверждал, что в большевистских тюрьмах Петрограда, где он просидел три месяца, безусловно, лучше, чем в «Дабие» [5, 1920. 21. 01]. Найти же жилье в столице, даже для состоятельных эмигрантов, оказалось сложно. Особую остроту эта проблема приобрела в 1919 г. Польские власти, проводя курс на выселение русских из Польши и, прежде всего, из Варшавы, решили использовать для этого жилищный вопрос. Не последнюю роль в разжигании антирусских настроений играла польская пресса. Осенью 1919 г. в польской печати без различия идейных направлений поднялась агитация против русских, проживавших в Варшаве. Журналисты утверждали, что в столице находилось 36 000 русских, занимавших 4 тыс. квартир, освобождения которых из-за недостаточного количества жилых помещений, требовала печать [3, 1919. 19. 10]. Аналогичная пропагандистская кампания развернулась в польской прессе летом 1920 г. Вышедшая в Варшаве националистическая газета «Przegląd Wieczorny» (PW) в своих публикациях призывала к насильственным действиям в отношении русских, проживавших в Варшаве: «Неужели польское правительство хочет дожидаться момента, когда доведённые до отчаяния представители польской интеллигенции, выселяемые теперь из квартир разными реквизициями и спекулирующими содержателями пансионатов, применят к москалям закон Линча и выбрасывают их на мостовую» [18, 1920. 27. 04]. Эта погромная статья вызвала возмущение среди русских, находившихся в Варшаве. Редакция газеты «Варшавское слово» обратилась с открытым письмом к председателю Совета министров Польши Скульскому, в котором призывала его обратить внимание на публикацию, которая наносила тяжёлое оскорбление польской интеллигенции, якобы способной на такие действия. Редакция выразила надежду на то, что таким выступлением не будет места в Польской республке и исполнительная власть не оставит их без внимания [1920. 29. 04]. Однако ответа на это обращение со стороны властей не последовало. В свою очередь соответствующие административные органы проводили последовательную политику, направленную на выселение беженцев из Варшавы. Предложения покинуть столицу ежедневно в июне 1920 г. получали до 50 человек [5, 1920. 28. 06]. По указаниям магистрата Варшавы выселяемым предписывалось

поселиться в одном из 26 перечисленных пунктов временного проживания. Большинство же беженцев, выдворяемых из столицы, направлялось в г. Воломин, находившийся в 17 км от Варшавы.

В случае невыезда в указанный срок, покидаемому город грозил арест [5, 1920. 28. 06]. Власти создавали препятствия для получения разрешения на проживание не только в Варшаве, но и в других городах, в частности, в Познани [6, ф. 5809, оп. 1, д. 53, л. 19]. Осуществляя политику «выдавливания» нежелательных лиц с территории страны, польские власти решили выселить иностранцев и, в частности, русских эмигрантов в апреле 1923 г. В ночь с 15 на 16 апреля 1923 г. в Варшаве на улицах и железнодорожных вокзалах началась проверка документов. В дачных поселках (Воломин) ходили полицейские по домам и проверяли документы на право проживания [6, ф. 576, оп. 1, д. 149, л. 143]. Поскольку ситуация с беженцами в Польше сложилась критическая, то вопрос о насильственном выселении их из страны в июне 1923 г. стал предметом специального рассмотрения Лиги наций [13, с. 229]. Жилищные условия эмигрантов, проживавших на территории страны, зачастую оказывались неудовлетворительными. Основанная масса беженцев проживала в мансардных и подвальных помещениях, ютилась в одной-двух комнатах, в тесноте, сырости, в спёртом воздухе, холоде (Вильно) [10, с. 7]. Польские домовладельцы, пользуясь бесправным положением русских апатридов (лица без гражданства), часто выселяли их из занимаемых квартир. Для защиты своих прав перед властями, эмигранты в марте 1924 г. создали Общество русских юристов-эмигрантов (ОРЭЮ) [6, ф. 5855, оп. 1, д. 1, л. 17]. Русский попечительный комитет (РПК) часто обращался к ОРЭЮ с запросами о возможности применения жилищного законодательства, а конкретно, квартирного закона 1924 г. к русским беженцам [6, ф. 5855, оп. 1, д. 3, л. 7]. В связи с этим, важное принципиальное значение для проживающих на территории Польши имело решение Верховного суда в Варшаве, вынесенное 24. 11. 1926 г. Обстоятельства дела были таковы: ровенский домовладелец, польский гражданин И. Гурфинкель обратился в ровенский мировой суд с ходатайством о выселении русского эмигранта С. Эйдельмана, занимавшего квартиру в его доме. Гурфинкель доказывал, что закон о защите квартирисьёмщиков в Польше не может распространяться на русских эмигрантов, ибо Советский Союз не защищал жилищных прав польских граждан, проживавших там, т. е. не действовал принцип взаимности. У Польши в отношении других государств (граждан) с 1919 г. действовал принцип взаимности [1, с. 114]. Со своей стороны Эйдельман утверждал, что русские эмигранты, пользовавшиеся правом политического убежища (имевшие карты азилия), не могли быть лишены защиты польских законов на том основании, что советское законодательство не защищало прав польских граждан. Верховный суд

отклонил иск Гурфинкеля, признав тем самым, что русские эмигранты в стране в качестве квартирсъемщиков пользуются такими же правами, как и польские граждане. Само решение Верховного суда, безусловно, имело для русской эмиграции в Польше большое значение. Ибо часто имели место случаи предъявления исков о выселении русских беженцев как не пользовавшихся защитой закона о квартирсъемщиках, и в некоторых случаях, как например, в Воломине, первая инстанция иск удовлетворила. С другой стороны, на восточных окраинах Польши, где имелось значительное количество лиц, подданство которых оказалось неустановленно, домовладельцы пользовались этим, предъявляя иски о выселении [11, 1926. 15. 12].

РПК неоднократно обращался в Министерство внутренних дел с просьбой отменить плату за прописку, введенную органами местного самоуправления для иностранцев, проживавших в Польше. В некоторых городах, как, например, в Варшаве, сборы эти являлись высокими и составляли иногда несколько десятков злотых за прописку одной семьи. Наконец, в 1928 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр, отменивший плату за прописку [11, 1928. 29. 08].

В тяжелом материальном положении оказались русские студенты, проживающие на территории страны. В 1921 г. их насчитывалось около 1 тыс. человек [16. 1922, № 2, с. 9-13]. Многие из них, после интернирования двух русских армий, в рядах которых они сражались, оказались в лагерях в Острове-Ломжинском, Страшалково, Пикулице, Тухола, Щёлково. Сложная ситуация в них привела к тому, что студентов из них вывели. Однако они сразу же столкнулись со сложными социально-бытовыми проблемами: отсутствием жилья, одежды, недостаточным количеством продуктов питания. Осень 1921 г. в Варшаве проживал 101 студент, из них 82 человека обучалось в варшавских ВУЗах [6, ф. 5864, оп. 1, д. 15, л. 31]. Весной 1922 г. особую остроту приобрёл квартирный вопрос. В связи с возобновлением занятий в Варшавском ветеринарном институте количество мест в польском студенческом общежитии для русских студентов сократилась с 60 до 12 чел. Студенты платили за общежитие 10-15 злотых с человека, в то время, как на частных квартирах эта сумма составляла 20-30 злотых [6, ф. 5864, оп. 1, д. 8, л. 1-2]. Следует иметь в виду, что прожиточный минимум студента-эмигранта составлял 80-100 злотых. В самой Варшаве найти жильё оказалась практически невозможно. Поэтому квартирный вопрос разрешили следующим образом: в Воломине сняли пять помещений, главным образом дачи, где разместились малоимущие студенты. Помещения оказались сырыми и холодными. Эти студенческие общежития содержались на средства Земгора (З. Г. К.), в Варшаве находилось также небольшое общежитие, где проживало до 20 человек [6, ф. 5864, оп. 1, д. 6, л. 49]. Однако в связи с сокращением финансирования З. Г. К., проживавшие в

Воломине с сентября 1924 г. сами оплачивали своё проживание, за исключением остро нуждающихся. Поскольку эмиграция в 1917–1920 гг. носила добровольно-вынужденный характер, то наиболее распространённым являлся, как уже отмечалось выше, нелегальный переход границы. На численность и социальный характер этой эмиграции «катастроф» влияли не только политические, но и экономические факторы (голод 1921 г. в Советской России). Осенью 1921 г. через пограничные пункты в Польшу за месяц проходило по 30–50 чел., а местами и больше [6, ф. 5864, оп. 1, д. 205, л. 14]. Большинство таких беженцев или были раздеты совершенно пограничной стражей, или настолько лишались денежных средств, что не могли купить себе даже железнодорожного билета. Единственной организацией, которая могла оказать помощь этим изгнанникам, являлся Земгор, созданный в феврале 1921 г. в Париже. Материальная помощь (жилищно-питательная) оказывалась в самых разнообразных формах: пайки в сухом виде, билеты на дешёвые или бесплатные обеды в общественных, а также частных столовых, предоставление ночлега. На территории восточной Польши в пограничной полосе возникла система пунктов, где предоставлялась помощь беженцам (Вильно, Лида, Лунинец, Барановичи, Коренец, Ровно, Луцк, Кременец, Львов, Тернополь, Станислав). Так в Вильно беженцы могли пообедать в столовой Американской администрации помощи (АРА) - 650 чел., а в столовой Земгора - 350 чел. Но стоимость обеда в них составляла 60 марок и ней всем она оказалась доступной. Поэтому Русской общество в городе финансировало питание около 1 000 чел. [6, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 23]. Часто беженцы с просьбами оказать материальную помощь обращались к православным священникам (Лунинец, Ровно) [6, ф. 5809, оп. 1, д. 205, л. 17]. Но имели место случаи, когда местные власти без объяснения причин запрещали эту благотворительную деятельность. Поводом к репрессиям против эмигрантов послужило раскрытие весной 1922 г. в лагере Тухола монархического заговора. Несмотря на то, что суд оправдал обвиняемых, в апреле 1922 г. из страны в административном порядке выслали несколько десятков человек, в том числе и миссию Российского общества Красного Креста (РОКК), которая оказывала беженцам значительную материальную помощь. Указанные события дали властям повод запретить проживание русским в 150 км пограничной полосе в Восточной Польше. Вследствие чего многие из заведующих питательными пунктами оказались выселены, и даже районного уполномоченного в Барановичах постигла та же участь [6, ф. 809, оп. 1, д. 205, л. 14]. Поскольку беженцы обычно не имели средств для оплаты жилья, то существенным подспорьем для решения данной проблемы служили общежития: в Вильно на 30 чел., а также небольшие ночлежки в Гусятине, Копечинцах, Корце, Остроге и Скале [2, с. 9]. После 1924 г. эмигрантам становится ясно, что их

пребывание за границей затянется на годы, а может быть и на десятилетия. Поэтому оказание жилищно-питательной помощи переходит почти полностью в руки местных организаций. Так, в Варшаве, успешно работала Комиссия помощи русским эмигрантам, получавшая средства от самообложения, а также частично от отдела социального обеспечения города Варшавы. Число участников самообложения в 1924 г. составило 580 чел., а членские взносы в месяц составляли 800 злотых. В ведении комиссии находилось общежитие «Лаховка» на 80 чел. для пожилых и инвалидов [6, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 1]. Из воспоминаний эмигрантов видно, что основная их масса жила очень скромно. Материальную помощь от благотворительных организаций они получали нерегулярно. Пособия эти составляли около 100 злотых в месяц. Цены же на продовольственные товары в 1925 г. являлись следующими: 1 кг хлеба стоил 44 гроша, ветчины – 5 злотых, масла – 6,5 злотых. Обувь же стоила 30-40 злотых, костюм – 100-200 злотых, пара белья – 20 злотых [6, ф. 5814, оп. 1, д. 63, л. 19]. Эмигрант П. Лосский утверждал в своих воспоминаниях, что сумма 100 злотых являлась необходимой, чтобы скромно прожить месяц, удовлетворяя свои минимальные потребности.

Следовательно, основная масса русских эмигрантов, оказавшихся на территории Польши не имела материальных средств для существования. Поскольку в стране не было специальных программ помощи беженцам, а также русско-польских организаций, которые курировали эту помощь, то беженцы могли надеяться только на благотворительность. Особую остроту приобрела жилищная проблема. Её власти использовали, особенно в начале 20-х годов как средство «выдавливания» русских из страны. Материальная помощь со стороны благотворительных организаций не носила обязательного характера и давала возможность удовлетворять минимальные потребности беженцев.

Примечания

1. *Бочарова З. С.* Правовое положение российских беженцев в 1920–1930 гг. / З. С. Бочарова // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки. – М., 2006.
2. *Бюллетень № 9-10 Земгора* 15 декабря 1922 г. – Париж, 1922.
3. *Варшавский голос.*
4. *Варшавская речь.*
5. *Варшавское слово.*
6. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).*
7. *Донской Г.* От Москвы до Берлина / Г. Донской // Архив русской революции. – Берлин, 1920. – Т. 1.
8. *Жакмон П.* Письма русского эмигранта / П. Жакмон. – Варшава, 1921.
9. *Зарубежная русская школа.* 1920–1924. – Париж, 1924.

10. Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции / В. В. Руднев. – Прага, 1928.
11. Рувль.
12. Свобода.
13. Симонова Т. М. Русская эмиграция в Польше в 20-30-е гг. XX в. некоторые проблемы сохранения национальной идентичности / Т. М. Симонова // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – перв. пол. XX в. – М., 2009.
14. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой / В. Станиславский // Новая Польша. – 2006. – № 7-8.
15. Станиславский В. Согласие и раздоры. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой / В. Станиславский // Новая Польша. – 2006. – № 9.
16. Студент.
17. *Emigracja rosyjska. Losy i idee.* – Lodz, 2002.
18. *Przegląd Więzńrny.*
19. *Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningradu / Zdziechowski M.* – Vilno, 1934.

«Австрийские сюжеты» в научном наследии П. Б. Струве

Крючков И. В.

Крючков И. В. «Австрийські сюжети» у науковій спадщині П. Б. Струве. У даній статті показаний вплив перебування П. Б. Струве у 1892-1893 гг. в Австрії на формування його наукових поглядів та сприйняття вченим процесів, що відбувалися в країні в кінці XIX ст. Вивчення робіт Л. Brentano, І. Гайниша, Г. Гекнера, К. Менгера визначило його інтерес до економіки та дослідження впливу економічних процесів на політику та демографію. Процеси, спостережувані в Австрії, П. Б. Струве проектував на російську дійсність. В Австрії вчений зібрав значну частину матеріалу для майбутньої полеміки з народниками, у тому числі по перспективах розвитку капіталізму.

Ключові слова: Австрія, селянське господарство, капіталізм, демографія, промислові робітники.